

Генри Лайон Олди

«ЕСТЬ ВЕЩИ НАСТОЛЬКО СЕРЬЕЗНЫЕ, ЧТО О НИХ МОЖНО ТОЛЬКО ШУТИТЬ»

стала расти: родился в Англии в семье проповедника-миссионера буддистского толка, потом он доехал до Тибета, до Монголии, где был репрессирован, интернирован...

— А не хочется из всего этого сделать роман о похождениях собственного псевдонима, в котором где-нибудь его взять и убить?

— Запросто. Лет в сто пять. Мысль хорошая.

О методе и принципах

— В ваших книгах заметен огромный запас иронии. Причем расходуемый очень бережливо. Вы берете какой-нибудь миф, по лепесточку его обрываете, а на стыках скрепляете иронией. Ваш метод?

— Наш. Ирония вообще — высшее проявление чувства юмора. А идеальный жанр — трагифарс. Трагедия плохо воспринимается, поэтому и Шекспир, когда все плачут, умирают, выводит посреди «Гамлета» могильщиков, которые хохмят. Есть вещи настолько серьезные, что о них можно только шутить.

— Похоже, в вас заговорило театральное прошлое. За годы игры в любительском театре вы узнали, как ведет себя зал. Исходя из этого и пишете?

— Не совсем. Предугадать реакцию читателя можно, но только в общих чертах. Читатель-то у нас разный — от 15-летнего ролевика-школьника и до 70-летнего профессора физики. Выход — писать для себя. У нас нет договоров на ненаписанную книгу, поэтому в процесс написания, кроме нас, никто не вторгается. Мы в неволе не размножаемся! Главное, чтобы за написанное перед собой стыдно не было.

— И что же, ни за что не стыдно? И переписать ничего не хочется?

— Как только захочется, надо бить себя по рукам. Это будет попытка либо реанимировать, либо переделать себя — прошлого.

— Но вы же переделываете прошлое. Правда, не свое — мифологию.

— Не согласен. Наш последний вышедший роман — «Одиссей, сын Лаэрта» — о восемнадцатилетнем мальчишке, который женился, у которого родился сын,

которого взяли за шиворот и сказали: «Иди и вой. Мы для тебя боги, так что иди, помри, но зачистку южного берега Скамандра обеспечить». Он: «Ядохнуть не хочу, у меня жена, ребенок». Ему: «Кого это волнует?» Можно это написать так, что будет скучно до смерти. Мы же хотели сказать, что эта ситуация повторяется вот уже которое тысячелетие: мальчишки Ремарка возвращаются с Западного фронта, какой-нибудь десантник Димка — из Чечни. Все они — Одиссеи. Так что мы не переделываем мифологию, нет: все это — реализм, занесенный в мифологию.

О героях и упрямстве

— Откуда возникают герои?

— Приходят. Шляются, чай пьют, гремят посудой, говорят: «Садись и пиши». Скажем, в мифологии о Лаэрте, где Одиссея, мало что сказано, но кое-какие выводы сделать можно. Когда жёны пытались захватить старика в заложники, Лаэрт первым же броском копья убил нападавшего. А ведь не воевал никогда, виноградник возделывал вроде бы... Тут-то и приходит наш герой с советом: «А вы подумайте хотя бы три минуты, почему грекам, стоящим на берегу, троянский флот за всю войну ни разу не ударил в спину. Кто держал на море этот флот девять лет так, что он из своей бухты высунуться не мог?» Так появился Лаэрт-пират, который потратил девять лет и невероятное количество средств на то, чтобы никто не мог ударить его сына в спину. Так приходят герои.

— Чем отличается герой Олди от обычного героя?

— Есть два основных типа героев. Один — сильный, идущий напролом, все прошибающий лбом или мечом. Второй — слабый и рефлексирующий. Он двадцать восемь раз подумает о морали, прежде чем что-нибудь сделать. Жизнь его все время бьет, и читатель сочувствует несчастному, и это при том, что вокруг него пачками гибнут сильные. Так вот эти двое — не наши герои. Наш герой — человек в первую очередь упрямый. Он не прошибает лбом стенки, потому что лоб у него не

чугунный, но и не рефлексирует по поводу каждого раздавленного таракана.

О музах и богах

— До литературы был театр.

— Да, пятнадцать лет им занимались.

— Насколько болезненным был переход?

— Эти музы достаточно ревнивы. Некоторое время мы занимались театром и книгами параллельно. Плюс тренировки (*Олег — обладатель черного пояса, Дмитрий — коричневого.* — С. М.). А ведь еще жена, дети... Что-то должно было уступить. Уступил театр.

— Можете ли вы сейчас в страшном сне предположить, что что-нибудь из написанного вами будут инсценировать?

— А почему в страшном? Это как в анекдоте: «Больной, вас мучают эротические видения?» — «Да почему же мучают, я ими наслаждаюсь». Пусть ставят. Мы в свое время поставили «Трудно быть богом» Стругацких — никто не верил, а получилось неплохо.

— Кстати, судя по прочитанному, к богам у вас скептическое отношение. Ну, не трудно ими быть!

— Человеком — гораздо труднее. Вот мы придумали бородастого начальника СОБЕСа, который сидит наверху и решает: хороший мальчик — на тебе три рубля, плохой мальчик — походи-покайся. Мы его придумали таким, потому что то, что сейчас люди называют словом «бог» — не более, чем выдумка. Подавляющее число верующих не читало Евангелие. Вообще торжествует невежество. Например, все очень нервничают из-за того, что в исламе разрешено иметь четыре жены, мол, сплошной разрыв и ужас. А о том, что Магомет своим решением спас девочек, которых закапывали новорожденными, потому что они «невыгодны», не помнят или не знают.

О фантастике и жизни

— Русская фантастика отличается от переводной своей темноватостью: хэппи-энды — редкость. Вы в этом смысле не исключение. Отчего так?

— Так все мы живем в этом мире, все рядом крутимся. Эти перманентные концы света, которые валяются нам на голову последние десять лет, это они виноваты. Но в последнем романе Одиссей возвращается! Мы же видим по нашим знакомым, по книгам — народ начал вылезать. Это еще не оптимизм, но вроде бы земля перестала качаться под ногами. Что уже хорошо.

— Десять лет прошло с момента вашей активизации на литературном фронте. Что с вами жизнь сделала?

— Максимализма поубавилось. И мир стал не таким черным-белым.

О соавторстве

— Вы недавно приняли участие в проекте, когда сразу пять писателей писали один роман. Получили удовольствие?

— Да, огромное. Хотя... Когда ты видишь, что с твоим героем, с твоим сюжетом посторонний человек творит, что ему вздумается, а ты ничего не можешь сделать, пока очередь вновь не дойдет до тебя, это очень тяжело. Мы ходили будто от замороженных... Но это всегда так. Когда мы писали «Черный баламут» (основанный на индийской мифологии) и жили минутах в двадцати ходьбы друг от друга, то постоянно ходили с дискетами через площадь. И вот Дмитрий шел ко мне с куском текста, и тут к нему подходят кришнаиты и просят: «Дяденька, купите правильные тексты». Дмитрий им отвечает: «Не буду я читать эти книги, я лучше первоисточники почитаю, а то у вас вторичные трактовки Ачишричитанисвамибрахмаупадаванта (кришнаиты в трансе, поскольку нормальный человек это выговорить не в состоянии). Сейчас я расскажу, как было на самом деле. Значит, приезжает Кришна в Хастинапур...». И бежали кришнаиты, после чего по Харькову стала гулять легенда, что бродит по городу десятая аватара Вишну и всем рассказывает, как было на самом деле.

— Вас двое, но кто-то же должен быть главным. Кто?

— Давай хором: «Я!».

Дмитрий Громов и Олег Ладыженский — харьковские писатели-фантасты, скрывающиеся под псевдонимом **Генри Лайон Олди**. За десять лет они написали более двадцати книг и завоевали прочную репутацию среди читателей. У них много общего: одноклассники и одноклассники, занимались в одном и том же любительском театре, одним и тем же карате, одной и той же литературой. Поэтому **корреспондент «ВМ»** беседовал не с каждым из них по отдельности, а как с одним — с Олди.

Сергей МИНАЕВ

О псевдониме

— Вас знают по псевдониму. Почему?

— Олди — это Олег и Дима. Первоначально было не Генри Лайон, а просто Г. Л. — Громов-Ладыженский. Но первый издатель сказал, что нужны полные имена, так и появился Генри Лайон. Мы бы не брали псевдоним, но «Громов-Ладыженский» запомнить невозможно. А копирайт с самого начала был на ре-

альные фамилии, так что никакой тайны не было.

— Историю для оправдания псевдонима создавали?

— Конечно. Когда создавался Олди, было популярно обращение «старик». Олди по-английски — это как раз «старик», причем с оттенком «старпер», «старикашка». Генрих Лайон пошел от герцога Генриха Льва — был такой препротивнейший старикашка во времена Фридриха Барбароссы, который достал тогда всю Европу. Потом биография